

Е. Н. Михайлова
Белгород, Россия

АНАЛОГИЯ VS АНОМАЛИЯ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI ВЕКА

В статье рассматриваются особенности переосмысления античной дихотомии «аналогия / аномалия» во французской ренессансной традиции. Показано, что содержание этой дихотомии претерпело ряд существенных изменений, обусловленных природой французского языка, для которого неприменимыми оказались многие константы античной грамматики, и сменой векторов лингвистической программы французского гуманизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *французские грамматики XVI века, аналогия, аномалия, норма, узус.*

E. N. Mikhaylova
Belgorod, Russia

ANALOGY VS ANOMALY: LANGUAGE DESCRIPTION PRINCIPLES IN THE FRENCH GRAMMARS OF THE 16th CENTURY

The features of rethinking the ancient dichotomy “analogy / anomaly” in the French Renaissance tradition are under consideration in this article. The content of this dichotomy is shown to have undergone a number of significant changes due to the nature of the French language, for which many of the constants of ancient grammar turned out to be inapplicable. The change in the vectors of the linguistic program of French humanism is thought to have also contributed to this phenomenon.

Key words: *the French grammars of the 16th century, analogy, anomaly, norm, usage.*

Эпоха Возрождения по праву считается важнейшим поворотным моментом в истории лингвистической мысли, поскольку с ней связано формирование новых подходов к осмыслению и описанию языков мира. Во Франции, которая активно включилась в этот процесс в начале XVI в., к концу столетия было создано более полусотни разноплановых и разножанровых работ, отличавшихся оригинальным подходом к решению ключевых проблем знания о языке [1, с. 139].

Важное место в ренессансном лингвистическом наследии занимают грамматики. Основные принципы описания языка опирались в них на латинский извод канонической модели грамматики, которую С. Ору назвал «латинской грамматикой предельно широкого диапазона», или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Étendue*) [2, р. 18]. Между тем, как убедительно показано в работах А. Н. Степановой, никакая классификационная схема не может быть создана раз и навсегда, она должна меняться по мере осуществления происходящих в языке изменений [3, с. 13].

Причин, по которым каноническая модель грамматики была не вполне применима к описанию французского языка, было несколько. Во-первых, к XVI в. это был уже язык аналитический, а не флективный, как греческий и латынь, для которых эта модель создавалась. Во-вторых, ко времени начала кодификации французский язык продолжал изменяться, причем достаточно интенсивно, что затрудняло систематизацию его форм. В-третьих, в нем имелись диалектные отличия, на что указывали многие филологи того времени.

Ретроспективный анализ лингвистического наследия французского Возрождения дает основание для выделения в ренессансной традиции трех этапов: раннего (первая половина XVI в.), переломного (50–70-е гг.) и заключительного (конец XVI в.) [4, л. 62]. Каждый из них представлен разным количеством работ, отражающих разную степень интенсивности процесса кодификации французского языка. На каждом из этапов доминировал определенный тип описания языка, связанный с общим направлением языковой программы французского Возрождения и сменой её ориентиров.

Примечательно, что при всём многообразии решаемых гуманистами проблем в ренессансных описаниях французского языка прослеживаются отголоски античного спора об аналогии и аномалии. При этом изменения, касающиеся принципов описания языка, во многом определялись трактовкой дихотомии «аналогия / аномалия» и спецификой ее приложения к новому языку-объекту лингвистического описания.

Обращает на себя внимание то, что термины «аналогия» и «аномалия» не получили отражение в терминосистеме ренессансных грамматик. Вместо них широко представлены такие слова, как «сходство», «различие», «подражание», «правило», «обиход», для которых, впрочем, не дано ни определенных, ни каких бы то ни было уточнений. Связано это с тем, что содержание терминов «аналогия» и «аномалия» и стоявшей за ними теории было хорошо известно филологам XVI в. из сочинений античных авторов, чьи труды

активно издавались в лучших типографиях того времени. Кроме того, грамматическое наследие ренессансной Франции представлено не столько рассуждениями о языке, сколько пособиями обучающего типа, для которых присущи такие черты, как формульность, краткость и простота при изложении материала. Наконец, возрождение античного спора об аналогии и аномалии не входило в круг задач, стоявших перед ренессансными филологами. Именно поэтому работ, в которых применительно к французскому языку рассматривались бы вопросы теории (*scientia*), в то время создано не было, хотя сама теория, отражавшая ключевые постулаты античной традиции, послужила прочным фундаментом для выработки принципов описания французского языка.

Содержание античного спора об аналогии и аномалии французские гуманисты почерпнули из трактатов Марка Теренция Варрона «*De lingua Latina*» и «*De Analogia*», которые уже в начале века стали достоянием широкого круга гуманитариев благодаря их многократным переизданиям в типографиях Й. Бадиуса, Н. Саветье, С. де Колия и др. Об авторитете Варрона в среде французских эрудитов говорит тот факт, что его имя широко представлено в филологических сочинениях, причем как у приверженцев античной традиции, так и у её противников, например, у Рамюса. Так, в предисловии ко второму изданию его французской грамматики имя Варрона упоминается дважды: отметив вклад римского ученого в совершенствование латинского языка, Рамюс призвал своих соотечественников «стать Варронами» для родного языка (*les Varrons de la langue Gaulloise ou Fancoise*) [5, s. p.].

В сочинениях Варрона отстаивается мысль о том, что в языке в равной мере представлены аналогия и аномалия. В частности, в трактате «*De lingua Latina*» он пишет: «Обиход и аналогия ближе друг другу, чем думают <...> : аналогия родилась из некоторого обихода, и из того же обихода – аномалия; <...> не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию» [6, с. 100]. Подробно изложив в своих трудах основные положения спора об аналогии и аномалии, Варрон пришел к выводу о том, что аналогия господствует во флексии (в словоизменении), а аномалия – в словообразовании [7, с. 31–32].

Предоставив в распоряжение французских гуманистов разные точки зрения на соотношение в языке аналогии и аномалии, трактаты Варрона по своему стимулировали широкую интерпретацию этих понятий и их приложение к новому языковому материалу. Во французской ренессансной традиции дихотомия «аналогия / аномалия» претерпела ряд существенных изменений, что было обусловлено как природой французского языка, для которого неприменимыми оказались многие константы античной грамматики, так и сменой векторов лингвистической программы французского гуманизма.

Как известно, интерес к родному языку возник во Франции уже в начале XVI в., однако в первой половине столетия была опубликована лишь одна грамматика французского языка, автором которой был Жак Дюбуа [8]. Практически в то же самое время была издан трактат Шарля де Бовеля

о многообразии языков мира и разнообразии французского языка [9]. В этих двух работах, написанных представителями одного поколения французских ученых, получило отражение разное понимание системного характера языка. Ж. Дюбуа видел в родном языке систему и стремился доказать, что в нем действуют те же законы аналогии, что и в языках «грамматических», т.е. в латинском, греческом и древнееврейском. У Ш. де Бовеля первое место в осмыслении природы языка занимала не аналогия, а аномалия. Отсюда естественный для него вывод о невозможности заключить живой язык в рамки канонической схемы грамматики [1, с. 144].

Среди гуманистов начала века преобладали те, кто полностью разделял мнение Ш. де Бовеля о невозможности создания грамматических описаний для живых языков. Для филологов того времени аналогия ассоциировалась исключительно с классическими языками – латынью и древнегреческим. Что касается живых языков, то восприятие их как неподвластных правилам (т.е. аналогии) привело к тому, что других грамматических описаний французского языка кроме грамматики Ж. Дюбуа во Франции до 1550 г. создано не было.

Изменение социолингвистической ситуации в середине XVI в., связанное с процессом формирования французской нации и становления французского национального самосознания, привело к появлению серии национальных грамматик французского языка, адресованных как его носителям, так и иностранцам. Самыми известными из них являются грамматики Л. Мерге (1550), Ж. Пиллю (1550), Р. Этьена (1557, 1558), Г. Мерье (1557), Ж. Гарнье (1558), П. де ла Раме (1562, 1572). Перелом в сложившейся ситуации во многом был связан с публикацией в 1549 г. знаменитого трактата Ж. Дю Белле «*La Deffence et Illustration de la Langue Française*». Эта работа во многом изменила баланс сил между французскими аномалистами и аналогистами в пользу последних, что привело к созданию абсолютного большинства работ, составляющих сокровищницу ренессансной грамматической мысли.

Анализ французских грамматик второй половины XVI в. Свидетельствует о том, что аналогия как показатель системности языка у большинства авторов получила неоднозначную интерпретацию. С одной стороны, произошла экстраполяция дихотомии «аналогия / аномалия» на понятия письменной и устной речи, для которых характерны, соответственно, стабильность и изменчивость. С другой стороны, аналогия стала ассоциироваться с такими понятиями, как «грамматика», «норма», «правило», в то время как аномалия – с «обычаем» и «обиходом», т.е. теми понятиями, которые отражали невозможность вписать некоторые формы и конструкции французского языка в парадигмы канонической модели грамматики.

Поиск оптимальных путей для описания французского языка приводил подчас к тому, что в разных грамматиках на частеречном и на категориальном уровнях имели место как несоответствия, так и явные противоречия в интерпретации одних и тех же фактов французского языка [4, л. 247].

Наиболее отчетливо аналогия как эффективный принцип описания языка представлена в грамматиках середины XVI в. в парадигмах склонения и спряжения. Однако если глагольные парадигмы по-своему отражали реалии французского узуса и регулярность в образовании глагольных форм, то падежные парадигмы были лишь данью греко-латинской традиции, поскольку падежного словоизменения во французском языке в то время уже не было. Тем не менее, вплоть до конца XVI в., а в ряде случаев и до начала XIX в., во французских грамматиках присутствовали парадигмы склонения для разных типов имен – артиклей, существительных, прилагательных, местоимений. При этом в разных грамматиках падежные парадигмы были представлены по-разному: это касалось и количества выделяемых для французских имен падежей, и количества примеров, иллюстрировавших именное склонение.

Торжество принципа аналогии стало специфической чертой описания французского языка в грамматиках второй половины XVI в., что вылилось в расширение сферы его применения. Если в грамматике Ж. Дюбуа и в большинстве грамматик середины столетия его использование было ограничено в основном парадигмами склонения и спряжения, то в грамматиках заключительного этапа традиции прослеживается тенденция к расширению сферы его применения и экстраполяции его на другие грамматические категории и на словообразование.

Кроме того, использование принципа аналогии в ренессансных описаниях французского языка во многом связано с типом грамматик. Наиболее ярко он представлен в педагогических и элементарных грамматиках. Для первых его использование обусловлено потребностью опоры на известный материал, т.е. на латинский язык, поскольку ему тогда принято было обучать раньше, чем родному или живому иностранному. Повсеместное использование принципа аналогии в элементарных грамматиках позволяло их авторам экономить место на объяснении материала.

В ходе анализа выявлена еще одна особенность. Она касается трактовки аномалии как единичных исключений из правил. В связи с этим в грамматиках получили отражение как наиболее типичные явления французского языка, так и наиболее яркие исключения из правил. Наиболее наглядно эта закономерность представлена при описании категории степеней сравнения прилагательных и наречий. Для нее характерна была высокая вариативность, связанная с интенсивными системными изменениями, что проявлялось в широкой вариативности форм компаратива и суперлатива. Нестабильность нормы в их употреблении привела к тому, что основное внимание в ренессансных грамматиках было уделено не системному, а нормативному аспекту при описании данной категории [4, л. 244, л. 257].

Итак, переосмысление аналогии и аномалии как констант античной грамматики филологами эпохи Возрождения привело к наполнению их новым содержанием. Если для античных грамматистов аналогия олицетво-

ряла рациональный порядок в пределах одного языка-объекта и ассоциировалась прежде всего с парадигмами склонения и спряжения, то для ренессансных грамматистов аналогия представляла собой эффективное средство систематизации и презентации языковых форм в пределах как одного, так и нескольких языков. При этом границы аналогии как универсального принципа грамматического описания оказались существенно раздвинутыми. Помимо парадигм склонения и спряжения принцип аналогии максимально широко был представлен на категориальном уровне применительно ко всем признакам частей речи – род, число, лицо, степени сравнения, время, наклонение и др. Более того, аналогия была широко представлена и на уровне словообразования, отражая наиболее продуктивные способы деривации, принятые во французском языке. Что касается аномалии, то в рамках новой традиции она была представлена терминами «узус» и «обиход», которые призваны были отражать, с одной стороны, особенности устной речи и, с другой стороны, исключения из правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Е. Н. Два взгляда на проблему языка: Жак Дюбуа (1531) и Шарль де Бовель (1533) // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. обл. ун-т ; отв. ред. И. В. Скуратов. М., 2019. С. 138–145.
2. Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2 : Le développement de la grammaire européenne. Liège : Mardaga, 1992. 399 p.
3. Степанова А. Н. К проблеме грамматической формы и грамматической категории: на материале французского языка. Минск : МГПИИЯ, 1972. 93 с.
4. Михайлова Е. Н. Грамматическая традиция французского возрождения : класс имен : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05. СПб., 2000. 285 л.
5. Ramée P. de la Grammaire. Paris : André Wechel, 1572. 211 p.
6. Варрон Марк Теренций. О латинском языке // Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 99–110.
7. Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 9–32.
8. Dubois J. (Sylvius Jacobus Ambianus). In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraecis, Graecis et Latinis scriptoribus. Parisiis, ex officina Roberti Stephani, 1531. 131 p.
9. Bovillus Carolus (Charles de Bovelles). De differentis vulgarium linguarum et gallici sermonis varietate. Parisiis, ex officina Roberti Stephani, 1533. 107 p.

Елена Николаевна Михайлова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации

Института межкультурной коммуникации и международных отношений
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Elena N. Mikhaylova

Habilitated Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University»
emikhailova@yandex.ru